

СТАНОВЛЕНИЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ: КАК ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ В XVIII в. ИЗМЕНЯЛ МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЮ И СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

Аннотация. Индустриальная колонизация Урала в XVIII в. была имперским проектом. Основным ресурсом при формировании населения при заводах стало русское крестьянство. Коренные народы (прежде всего башкиры), крестьяне и традиционные местные элиты, отнеслись к заводскому строительству враждебно. Легитимность беспримерному эксперименту по трансформации общества, географии и природного пространства Урала придало быстрое создание за короткий срок крупного горнопромышленного района.

Ключевые слова. Горнозаводской Урал, промышленная политика, индустриализация, крестьянство, башкиры, размещение производства.

Возникновение горнозаводского Урала следует рассматривать в непосредственной связи с экономической и колонизационной политикой российской монархии в XVIII в. Он стал реализацией имперского проекта по интенсификации использования здешних, до этого не востребуемых природных ресурсов: полезных ископаемых, речной системы, лесных массивов. Петр I решил проводить заводское дело «сильной рукой», дабы это «божье благословение... втуне не оставалось» [1, с. 666]. Ни географическая удаленность, ни инфраструктурная изоляция места воплощения горнозаводского проекта не отличали его от других грандиозных замыслов Петра. Амбициозный Император стремился перевернуть присущую земледельческой России географию, и центр выступал здесь как средоточие политической власти, развивающей перифе-

рию путем целенаправленной прагматической эксплуатации ее природных богатств.

Острая необходимость в уральском металле в условиях ведущейся Россией Северной войны отдавала приоритет укреплению обороноспособности и побуждала создавать предприятия, не считаясь с интересами населения края. Государственных крестьян власти принуждали строить заводы, а после введения института приписки сделали ключевым поставщиком вспомогательных и основных рабочих кадров горнозаводской промышленности. Приписные оказались в незавидном положении «слуги двух господ», – не оставляя сельскохозяйственных занятий, подушную подать они были вынуждены отрабатывать на заводах, снабжая те рудой и древесным углем. Пострадали земельные угодья крестьян: по сведениям знатока истории горнозаводского Урала Н. К. Чупина, например, в «чертеже» Арамильской слободы в 1704 г. возник Уктусский завод, а в 1720-е гг. – Верхне-Уктусский, Екатеринбургский, Верх-Исетский и Сысертский. Позднее, когда предприятия обзавелись земельными владениями – «заводскими дачами» – из фонда земель этой слободы их нарезали для Березовского, Каменского, Нижне-Исетского Сысертского заводов, а частично он отошел к Кыштымскому и Ревдинскому [8, с. 31–33].

Перемены в поземельных отношениях препятствовали не только функционированию традиционных отраслей крестьянского хозяйства – пашенного земледелия, рыбной ловли и заготовки древесины, в большей степени они нанесли урон кочевому и промысловому образу жизни башкир. «Ситуацию промышленной колонизации Урала власти не усложняли вопросом о социально-экологических проблемах коренного населения края в связи со строительством на территории его проживания заводов. При межевании заводских угодий велено было “смотреть накрепко, чтоб... в пользу было горному и заводским делам”». Башкиры не убереглись «от изъятий родовых земель и вынужденных перекочевков, как следствия масштабного заводского строительства», – пишут современные историки [4, с. 118].

Хотя осторожные высказывания по этому поводу позволяли себе уже исследователи XIX в. В. Н. Витевский отмечал: «Горное дело, требовавшее для своего развития большого количества земли и лесов, должно было нанести некоторый ущерб старинным башкирским промыслам...» [1, с. 649–650]. Н. К. Чупин конкретизировал потери башкир: «...построение заводов и неизбежное затем основание среди их жительство русских поселений, а также вырубка лесов могла несколько стеснять их кочевой быт и отозваться невыгодно на их промыслах, на звероловстве, бобровых гонах и бортовых угодьях» [11, с. 210].

Экспансия горнозаводской промышленности – бесцеремонного и претенциозного экономического конкурента – привела к социальной мобилизации: крестьяне, башкиры и другие народы края воспринимали распространение рудников и заводов как потенциальный источник опасности. Поскольку политические и социальные условия на далекой окраине существенно отличались от Центральной России, оппоненты промышленного развития проявили волю к сопротивлению. Уже в 1705 г. крестьяне, строившие первенец уральской металлургии – Алапаевский завод, желали его «разорить вовсе, что ему впредь не быть для того, чтоб им на том заводе не работать» [3, с. 214]. Кунгурские крестьяне также «недоброжелательно смотрели на рудные поиски и постройку заводов». В. Н. Татищев объяснял в 1720 г. берг-коллегии действия «здешних обывателей»: «...невозможно было им в том горном деле препятствия не чинить для великих налог и разорения от начальников рудных» [9, с. 235–236].

Голоса простых людей редко попадали на страницы источников, однако в данных вопросах они с представителями местной воеводской власти, также пострадавших от появления новых «горных» управленцев, но имевших больше возможностей как для противостояния им, так и для высказывания своих взглядов, занимали консолидированную позицию. Оба самых известных проводника имперской промышленной политики – В. Н. Татищев и В. И. Геннин – были втянуты в постоянную

изнуряющую борьбу с местной бюрократией. Еще до их появления в крае, в 1718 г., кунгурский воевода Воронежский прекратил плавку меди, разработку рудников, запретил искать руды и даже заставил рудоискателей дать показание, что «найденные ими руды все выработались и что больше рудных мест они не знают». Татарин Боляк Русаев из деревни Старая Кареева Кареевской четверти Кунгурского уезда рассказывал В. Н. Татищеву, как «комендант Афанасий Усталков рудоискателей за караул сажал и морил голодом, плавильщиков бил плетьюми и дубьем и на снег босиком ставил, чтобы меди не работали». Он даже распорядился «по воротам и на мостах поставить караулы, чтоб руд в город не носить и из города снастей к работе не возить» [10, с. 156, 158].

Хотя Берг-привилегия 1719 г. изъяла горное дело из компетенции местных властей: «... чтоб никоим образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешались...» [7, с. 760], наделенный высокими полномочиями личный посланник Императора В. И. Геннин в доношениях к нему постоянно жаловался на столкновения с теми, кому до порученных ему занятий, согласно букве закона, «дела нет». «Токмо есть тому препятство, – докладывал Виллим Иванович в 1723 г., – что воеводы, и камериры, и другие градские управители делают мне препятия, а особливо Вятской, Пермской и Верхотурской, в которых местах нам наиболее касается нужда» [5, с. 594]. Главу горнозаводского ведомства раздражал постоянный саботаж недоброжелателей: «отговорки приказные». В основном те выбирали окольные пути – «противности есть закрыты», но иногда конфронтация вырывалась наружу. В том же году обнаружилось «дьявольское измышление» уже соликамского воеводы: «...беглых горных учеников он... поимает и у себя держит без суда бергамта, оных бьет кнутом, чего в свете необыкновенно». Такое вмешательство в заводские дела приводило, по словам Геннина, к их «великой остановке» [5, с. 608].

Распоряжения «сковать и принудить» своего обидчи-

ка, которого он добивался, генерал не получил, но экстерриториальности заводского ведомства постепенно добился. До этого похожими правами пользовались всесильные Строгановы. Будучи частью традиционной местной элиты, бывшие единоличные хозяева края воспринимали новые реалии как угрозу своему владчеству и также стремились остановить преобразования. Эта позиция открыто проявилась в инциденте 1724 г. с «домовым их человеком» Демидом Колупаевым. До В. И. Геннина дошло, что тот запретил «искать и объявлять» руду строгановскому же крестьянину Михею Петракову. «И за прииск руд он, Колупаев его, рудосыпщика, – сообщил генерал Царю, – бил дубьем и плетью стегал и угрожал смертным убийством и говорил непристойные речи при многих свидетелях, чтоб горному промыслу и со всеми згореть». Виллима Ивановича больше всего поразило, что этот, по его определению, «бездельник» «в том не запирался» и признал, что «указы о прииске руд и размножении заводов презрел» сознательно [5, с. 677–678].

Неразбериха между горными и гражданскими властями, принуждение крестьян на строительство заводов и превращение их в приписных усугублялась кризисами и нестабильностью в приграничных со строительством районах. В. И. Геннин характеризовал ситуацию следующими словами: «...каналы татара и башкирцы и казачья орда, которые часто пакости делают» [5, с. 605]. «Воровские нападения» степняков на рудники и заводы, которые возникали на их землях, оставались суровой действительностью Среднего, затем и Южного Урала на протяжении всего XVIII в. 8 июня 1722 г. «наехали» на деревню Полевую, возле которой началась разработка знаменитого Гумешевского меднорудного месторождения, «башкирцы Чубар Балагушев с товарищи, 42 человека, с ружьями, пищалями и луками». Они «все строение на руднике выжгли», а мастеру и рабочим, перед тем как их прогнать, заявили: «Та-де земля вотчина наша; и буде вы впредь на ту гору промышлять медную руду приедете, и мы вас всех прибьем до смерти, и будет де

с вами о сей нашей вотчине война не малая». Угрозы дошли до Царя, который отреагировал на них 12 декабря 1720 г. грамотой. Обращаясь к «башкирцам всех дорог и волостей батырям и старшинам и всем ясашным людям», Петр призывал: «...и вы б в вышеписанных и прочих местах, где оная руда сыскана будет, посланным из берг-коллегии офицерам и прочим служителям в сыскании и копании тех руд и в строении заводов, служа нам, великому государю, помешательство не чинили, а чинили бы всякое вспоможение». В июле 1723 г. с нападавших удалось собрать «в том подписки» [8, с. 422–423]. Однако сохранилась ремарка в доношении В. И. Геннина: «А других волостей башкирцы и лутчие люди о строении оных заводов указ Е. И. В. слышали, а ничего на оной указ не сказали и розъехали, не сказав, каждой в свою юрту» [5, с. 612]. Предусмотрительное же горное начальство возобновленные на прежнем месте жилые и рудничные постройки обнесло «для защиты от нападений башкирцев полисадом» [8, с. 425].

Действительно, сопротивление башкир не прекратилось и принимало различные формы. Врагами кочевого народа надолго стали те соплеменники, которые указывали русским властям месторождения полезных ископаемых. Первая документально засвидетельствованная им угроза содержится в словесном челобитии мещеряка Татарбая Михайлова, который в декабре 1722 г. «обыскал... рудные признаки в Мякотинской волости на Уфимской дороге в Черной горе, и оную руду объявил он на Уктусе в горном начальстве». Первого февраля 1723 г. знакомые посоветовали ему: «...можешь ли де сего дни убежать, то ты де убежи...» Им стало известно, что на следующий день «татара, той же Мякотинской волости вотчинник Икинбет, да Унгер Сюндуков, Букай» собирались убить Татарбая за то, что тот руду «приискивает и объявляет» [5, с. 585].

Активное и упорное стремление башкир «препятствовать в поиске руд и строению заводов» не ограничивалось мщением землякам. Тот же Татарбай Михайлов в феврале 1723 г. слышал, как «у татарина Катайской волости у Карачюры собралися де

на Мяс в Катайскую волость к вотчиннику Чубаждаю башкирцы с Нагайской дороги... человек тысяча для совету». Они договорились, «хотя де всем принять смерть, а в их вотчинах руд искать никого не пускать». Решимости собравшимся прибавлял аргумент: «ежели де руд искать допустить, то будут и города строить, и заводы заводить», – а о серьезности их намерений свидетельствовала клятва: «И во оное де слово крепко утвердились и уран целовали» [5, с. 585–586].

Несмотря на значительные социальные, этнические и административные трудности, горнозаводской проект набирал обороты. Видные петровские администраторы, инженеры, горные офицеры всеми силами пытались реализовать грандиозные планы Императора в суровом и раздираемом противоречиями регионе. Возникавшие на пустом месте новые заводы и промышленная инфраструктура наполняли их сердца восторгом и гордостью – «горным куражом», по определению В. И. Геннина. Он обещал Петру «работать будем весело», а в его доношениях Императору рефреном звучат слова: «...чтоб всегда заводы цвели» [5, с. 570, 670, 675]. Генерал умел и защитить свое детище. Того же Демида Колупаева он распорядился наказать кнутом, вырезать ноздри и сослать в «вечную каторжную работу в Катеринбурх». При этом Вилим Иванович не слыл жестоким человеком и в доношении к Царю даже искал оправдания своему поступку: «...оное я учинил для тебя и для всего государства», «дабы... другие так... не дерзали» и «в размножении заводов и в горных делах помешательства и остановки не было, а паче, чтоб рудоискатели свободно могли руд приискивать без опасности», а не «терпеть разорение и великой страх» [5, с. 677].

Петр I проявлял и личный интерес к горнозаводским проектам. В преамбуле к Берг-привилегии он писал: «Мы всемилоливейше усмотрели, что от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля богатеет и процветет; также пустые и бесплодные места многолюдством населятся...» [7, с. 760]. Император успел узнать о внушительных успехах этого своего начинания на Урале. Если в первом десятилетии XVIII в. было

построено 7 заводов, во втором – 5, то в третьем, на которое пришлось последние годы его жизни, – уже 19 [6, с. 270]. Геннин в 1724 г. охарактеризовал эти результаты следующим образом: «...такие великие заводы, фабрики и горное дело...» [5, с. 691]. Этот сподвижник Петра настаивал на уникальности имперского горнозаводского проекта. В 1724 г., уверенный, что «такое нужнейшее и от бога благословенное дело не остановить», он признавал подземное богатство Урала великим и «воистину чудом», призывая за такое «милосердие» благодарить бога! [5, с. 570, 672, 675, 692].

Даже для компактного расположения столь мощной промышленной агломерации требовалась большая территория, однако из-за привязки к рудным месторождениям, рекам и лесным массивам она оказалась рассредоточенной на куда более значительной местности, освоенной предприятиями дискретно, прерывисто. Особенностью горнозаводского Урала стало фрагментированное, разорванное пространство, где промышленные зоны чередуются с землями сельскохозяйственного назначения и промысловыми угодьями [2, с. 36]. «В заводской даче, – приводил Н. К. Чупин в качестве характерного для Урала примера Артинский завод, – находятся д. Мараканова, дд. Афонасковы (русская и черемисская), д. Пантелейкова (черемисская), дд. Уфа-Шегери и Артя-Шигири (башкирские)». И далее писал: «Заводская дача граничит с северу с землями верхотурских татар, к востоку... упейских татар, к юго-западу с землями кызылбаевских татар, к западу с землями башкирскими и государственных крестьян» [8, с. 35–36]. Благодаря такой пространственной организации в воронку развития горнозаводского дела втягивались огромные массы людей. То, что еще в начале XVIII в. было уделом одиночек-рудоискателей – маргинальной части местного сообщества, становится занятием большинства. Но эта быстро прибранная горнозаводским делом к своим рукам среда продолжала относиться к нему с неприязнью. Эскалация напряжения, спровоцированного у старожильческого населения и туземцев тревогой из-за утраты при появлении

промышленности прежней определенности и социальной стабильности, не снижалась.

Со времен Петра заводское дело считалось на Урале приоритетным. Географическая изоляция зоны строительства заводов на далекой окраине усугубила проблему, которую поставили перед собой Царь и «птенцы гнезда Петрова», коммерсанты Демидовы, администратор Татищев, инженер де Геннин, которым пришлось ориентироваться в сложном политическом ландшафте и непривычных социальных реалиях района. Знаковому строительному проекту, призванному открыть неизведанные ландшафты для эксплуатации природных ресурсов с целью укрепления военного потенциала страны, пришлось бороться с единым традиционалистским фронтом, объединенным общим неприятием горнозаводской повестки и, более того, тревогой по поводу ее успешного продвижения.

Созданная за короткое время крупная горнопромышленная база, благодаря своему привилегированному статусу, на долгие годы не только стала мейнстримом регионального развития, но и оказалась тесно связана с непростыми вопросами государственного строительства: материальными интересами русских царей, их заботой о государственных финансах, обороноспособности страны. Это придало легитимность беспримерному эксперименту по трансформации общества, географии и природного пространства Урала и сделала его результаты ощутимыми для российского общества. Заводы становились мощными рычагами в борьбе за построение Империи не только в обеспечении обороноспособности и поставками своей продукции на внутренний рынок, но и в месте своего строительства.

Список источников и литературы

1. *Витевский, В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Вып. 3. – Казань: Типолиитография В. М. Ключникова, 1891. [2], XXIV, 369–616 с.
2. *Голикова, С. В.* Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1. – С. 35–39.
3. *Голикова, С. В., Миненко, Н. А., Побережников, И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 2000. – 261 с.
4. *Голикова, С. В., Шкерин, В. А.* Формирование горнозаводского населения Урала как социокультурной общности (XVIII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2. – С. 118–124.
5. Законодательные акты Петра I: редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. документов. Т. II. Акты об общественных классах. Т. III. Акты о промышленности и торговле. – М.: Древлехранилище, 2020. – LXXXIV, [1], 761 с.
6. История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 608 с.
7. ПСЗ РИ–1. Т. 5. № 3464.
8. *Чупин, Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. – Пермь: Типография Поповой, 1873. – 577 с.
9. *Чупин, Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Вып. 5. – Пермь: Типография губернской земской управы. 1880. – 272 с.
10. *Чупин, Н. К.* Историческое сведение о бывших Кунгурских медных заводах // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Вып. 1. – Пермь: Типография губернского правления, 1882. – С. 155–158.
11. *Чупин, Н. К.* О некой исторической будто бы записке // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Вып. 1. – Пермь: Типография губернского правления. 1882. – С. 207–236.